

Д.А. Редин
(г. Екатеринбург)

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА УРАЛЬСКИХ ВЕЧНООТДАННЫХ В 1760—80-х гг.

Так сложилось, что в нашей литературе, посвященной изучению социальной борьбы на уральских заводах во второй половине XVIII в., движение вечноотданных рассматривается почти неразрывно с проявлениями протеста других категорий горнозаводского населения, в первую очередь — мастеровых и работных людей. Отчасти это оправдано: желая добиться своих целей, вечноотданные порой действительно проявляли социальную активность одновременно с прочими категориями заводских жителей. Иногда переплетение обид, требований и интересов обитателей заводских поселков и окрестных деревень было настолько тесным, что в документах, донесших до нас их проблемы, труднее заметить специфические претензии отдельных социальных групп, нежели определить их общие стремления. Тем не менее в событиях 1760—1780-х гг. можно заметить определенные последовательность, преемственность и особенность, характерные именно для движения вечноотданных. Эта своеобразная прослойка с весьма спорным юридическим статусом оказалась наиболее сплоченной и настойчивой в достижении своих социальных целей. Последние были отличны в равной степени как от целей приписного крестьянства, так и от целей мастеровых и работных людей с иным правовым положением (крепостных, государственных).

Несмотря на то, что историография дает возможность усмотреть особенные черты в требованиях названных сословно-социальных групп, позволю себе в самом общем виде напомнить их. Итак, основным лейтмотивом движения приписных крестьян было стремление освободиться от заводских работ. Приписные добивались этого на протяжении всей истории института приписки с упорством, размахом и радикализмом, присущими массовым крестьянским волнениям, и, в конце концов, не без их усилий правительство было вынуждено приписку отменить.

Мастеровые и работные люди из числа крепостных и казенных крестьян в своей борьбе руководствовались защитой главным образом своих профессиональных интересов. Имеющиеся в литературе данные и мои собственные наблюдения позволяют говорить, что причиной

выпешек коллективного недовольства со стороны названных групп заводчан, как правило, становились факты конкретного ухудшения условий их труда и его оплаты. Самодурство администрации, задержка выплат, немотивированное и материально неподкрепленное увеличение объема работ, сокращение праздничных дней и т.п. явления вызывали естественную реакцию мастеровых. Если у заводского руководства хватало воли и средств пойти на устранение указанных раздражителей, конфликт решался относительно быстро и с минимальными издержками сторон. Если нет — то он перерастал в массовый и затяжной (что нередко провоцировало присоединение к нему других общественных слоев).

Основным смыслом борьбы вечноотданных были иные причины. Их, в первую очередь, волновало отстаивание своего юридического статуса, который они определяли (и небесспорно) как равный государственным крестьянам.

Перипетии формирования вечноотданных в особую сословно-социальную группу, равно как и попытки заводчиков эту группу закрепить, отслежены нашими историками. Большая заслуга в этом принадлежит А.С. Черкасовой, которая обобщила данные о формировании этой прослойки в своей монографии¹. В истории вечноотданных можно выделить несколько существенных моментов. Во-первых, в их среде наиболее интенсивно шло имущественное расслоение, выделение торгово-предпринимательской прослойки. Оставаясь долгое время в официальном положении государственных крестьян, вечноотданные пользовались известными правами такого положения (право официальных апелляций в правительственные инстанции всех уровней, право записываться в посад и купечество). С другой стороны, числясь при заводах, мелкие предприниматели из числа вечноотданных, в отличие от городских тягловцев, были свободны от податей на торговлю и промыслы, что позволило им освоить рынок заводских поселков. Эти преимущества вошли в противоречие с интересами заводовладельцев, предпочитавших максимально использовать труд вечноотданных в заводском производстве. Отмеченное противоречие обусловило второй существенный момент в судьбе вечноотданных. Под давлением влиятельных владельцев мануфактур (Демидовых и Осокиных) правительство вопреки собственному законодательству определило большую часть вечноотданных (пришедших на уральские заводы после I ревизии) как "счисленных" с крепостными. Базовым в этом смысле явился сенатский указ от 30 декабря 1755 г. Примечательно, что, несмотря

на этот указ, местные губернские власти продолжали и после него взимать с вечноотданных подушную подать и оброк в объеме полного тягла, чем, фактически, продемонстрировали свое отношение к данной общности как к государственным крестьянам. Эта неопределенность позиции правительственных учреждений в вопросе о юридическом статусе вечноотданных дала последним надежду на восстановление своих прав и положила начало длительному конфликту.

Все вышесказанное является лишь сжатым пересказом известных в литературе фактов. В контексте данной статьи этот пересказ имеет смысл для того, чтобы перейти непосредственно к оценке характера социальной борьбы вечноотданных. Как-то получилось, что, несмотря на довольно высокую степень изученности названной категории, большинство авторов совершенно “забывают” ее своеобразие, начиная говорить о классовой борьбе. Крупнейшие акции протеста вечноотданных характеризуются как выступления мастеровых и работных людей. Между тем это, по меньшей мере, неточное определение. Во-первых, потому что в юридическом отношении мастеровые и работные люди не были однородны. Во-вторых, потому что в среде самих вечноотданных не все принадлежали к мастеровым и работным людям. В те или иные моменты общность социальных интересов брала верх, и мастеровые и “жители” с различным правовым статусом выступали с одних позиций. Но это не мешало им отстаивать и чисто свои, специфические интересы.

Так, уже в ходе волнений приписных крестьян и заводского населения в начале 1760-х гг. можно говорить о том, что душой и основной движущей силой в протесте мастеровых и работных людей Нижнетагильского и Выйского заводов были вечноотданные из числа торгово-предпринимательской верхушки. На этот факт сразу обратили внимание те, кто был не понаслышке осведомлен в событиях — заводские приказчики. Их мнение разделял и владелец — Н.А. Демидов, всегда тщательно следивший за обстановкой на своих предприятиях. “А слышу я, — писал промышленник в ответ на одну из заводских челобитных, — что оное (непослушание — *Д.Р.*) чинят от вас **торгаша и рукоделщики** (здесь и далее выделено мной. — *Д.Р.*), яко токари, бурашники, санники, моляры и кожевники, которые желают работать за один подушной оклад... И вы силу... указов поймите... и будьте в послушании, ибо вы... к моим заводам укреплены вечно не для торгов, но для всегдашних заводских работ...”².

Изучение челобитных, поданных в ходе волнений жителями Нижнетагильского и Выйского заводов, подкрепляет цитированное

выше замечание. В длинном перечне обид и жалоб крайне мало требований цеховых мастеровых. Характерно и то, что, продолжая считать себя государственными крестьянами и добиваясь подтверждения этого, вечноотданные в первую очередь обратились с жалобами не к заводовладельцу, а к официальным властям, реализовав, таким образом, одно из своих важнейших сословных прав. Только после того, как решение их вопроса затянулось, они решили искать правды у хозяина. С точки зрения последнего, считавшего вечноотданных наряду с крепостными своими собственными людьми, такое “нарушение” субординации было незаконным. В уже приводимом выше ответе Н.А. Демидов особо пенял на то, что “челобитчиков ко мне здумали вы прислать... после подачи в казенные места своих ябеднических сплетней. И то мне досадно, ибо по самому порядку надлежало вам, естли б и заподлинно какие тягости произошли от непорядков моих прикащиков, просить у меня, прежде прозбы в казенных местах...”³

Таким образом, видно, что, несмотря на целый ряд конфликтных моментов, характерных для ситуации начала 1760-х гг. и заводовладелец, и жители указанных заводов прекрасно понимали главный предмет спора: вопрос о правовом статусе. Причем в отстаивании последнего ведущую роль играли вечноотданные из числа мелких предпринимателей, добиваясь цели “легальным” путем — через жалобы в правительственные учреждения.

Известно, что в ходе волнений 1760-х гг. вечноотданные потерпели поражение. Государственная комиссия под руководством генерал-квартирмейстера кн. А.А. Вяземского пошла навстречу интересам заводовладельцев. Закрыв глаза на многочисленные факты нарушений в заводской документации, представившей большую часть вечноотданных не государственными крестьянами (как было на самом деле), а “незаконнорожденными” и “непомнящими родства”, Вяземский, в “определении” 1763 г. подтвердил права заводчиков. Со своей стороны и заводовладельцы, в частности, Н.А. Демидов, постарались отсеять лидеров вечноотданных от более широкой социальной базы. Так, в 1763—1764 гг. на всех заводах Нижнетагильской группы было проведено увеличение оплаты всех видов работ⁴. Новые расценки оставили далеко позади принятые на казенных предприятиях, но коснулись только тех работников, которые находились в крепостном состоянии. На тех, кто, согласно определению Вяземского, сумел сохранить статус казенных крестьян, повышение оплаты не распространялось. Таким образом, промышленник собирался не только наказывать

вечноотданных- "торгашей", но и укрепить свою репутацию справедливого и милостивого к крепостным хозяина. Документы позволяют говорить о том, что именно после событий 1763-- 1764 гг. на демидовских заводах начинает проводиться целый комплекс мер, связанных с социальной защитой и материальным стимулированием собственных работников, что со временем стало на Тагильских предприятиях нормой. О том же, что ущемление денежных интересов должно было касаться в первую очередь вечноотданных, добившихся подтверждения своих прав, свидетельствует и то, что невольно пострадавшие от демидовского распоряжения потомственные казенные мастеровые по личному приказу хозяина переводились на более высокие расценки⁵.

Наконец, в 1764 г. Н.А. Демидов отдал указание уволить и впредь не набирать на конторские и служительские должности всех "счисленных с государственными" (т.е. все тех же вечноотданных, которых не удалось "счислить" с крепостными)⁶. Эта норма надолго укоренилась на Тагильских заводах.

Но, несмотря на проведенные меры и законодательное прикрытие в виде указа от 30 декабря 1755 г. и "определения" кн. Вяземского от 3 августа 1763 г., проблема не решилась. Вечноотданные по-прежнему продолжали считать себя государственными. Местные власти так точно и не представляли, к какой категории податного населения их относить. В 1764 г. во время проведения III ревизии, по горячим следам комиссии кн. А.А. Вяземского и вопреки его "определению" Тобольская губернская канцелярия положила всех вечноотданных в подушную подать наравне с государственными крестьянами. Логика губернских властей тоже была понятна. В пользу вечноотданных работал точный смысл почти всего предшествовавшего законодательства, а указ 1755 г. и "определение" 1763 г. являлись актами ограниченного действия, созданными по прецеденту, и адресовались исключительно тем предпринимателям, которые в этих актах были заинтересованы. Местным инстанциям, ответственным за своевременный и полный сбор налогов, удобнее и понятнее было как всегда рассматривать всех вечноотданных полноценными тяглецами, нежели вникать в частные детали.

Как выяснится в дальнейшем, сами вечноотданные продолжали выплачивать полный подушный налог и после 1763 г., но, по их свидетельству, заводское руководство подавало от них в казну только семигривенный оклад как с собственных крепостных⁷.

Устав разбирать запуганные отношения заводчиков и вечноот-

данных, губерnsкие власти потребовали от Сената ясности. Результатом явился сенатский указ от 31 июля 1777 г., который только укрепил вечноотданных в собственной правоте. Не желая признать несостоятельность собственных актов 1755 и 1763 гг., но, стремясь согласовать их с предшествующим законодательством, сенаторы определили: в качестве государственных следует считать тех заводских жителей, которые некогда были приписаны к заводам целыми казенными селениями или являлись “частно вышедшими” к заводам из разных казенных селений⁸. Большинство же вечноотданных заводов Демидовых, Яковлевых и Осокиных как раз и были теми “частно вышедшими из казенных селений”, о которых говорилось в указе.

Обстановка конца 1770 — начала 1780-х гг. ободрила вечноотданных. Указ 1777 г. давал, по их мнению, надежную правовую опору в борьбе. 21 мая 1779 г. в свет вышел знаменитый манифест, полный демагогических рассуждений об “облегчении” положения приписных государственных крестьян. Он вселял надежды на счастливые перемены. Шла широкомасштабная реформа местного управления. Менялись власти. С созданием наместничеств ликвидировалась система ведомственного горнозаводского управления, возникали сословные суды. Наконец, близилась IV ревизия — событие, в ходе которого вновь определялись категории тягловцев, когда можно было убедить правительственные учреждения переписать всех вечноотданных в казенный оклад.

События, известные в нашей литературе как массовые волнения мастеровых и работных людей 1780-х гг., были в чистом виде волнениями вечноотданных. И в авангарде этой борьбы вновь стояли те из них, кто по большому счету лишь формально числился в работных, занимаясь собственными промыслами и торговлей.

Первые действия вечноотданных (на сей раз главную роль взяли на себя невьянцы) зафиксировала доживавшая свои последние дни Канцелярия Главного заводов правления. В обширном экстракте по делу, датированном 15 мая 1780 г., указывалось, что еще 9 декабря 1779 г. выборные от невьянских вечноотданных Иван Боровицкой и Иван Коротких подали горным властям в Екатеринбург прошение, в существенных чертах напоминавшее челобитные 1760-х гг. Главное недоумение челобитчиков вызывало то, что Невьянская контора принуждала их в работы “противу приписных (т.е. государственных. — Д.Р.) крестьян отяготительнее”, а после 1764 г. начала взыскивать только семигривенную подушную подать как с крепостных. Просители

настанвали, чтобы с ними поступали на основании манифеста 1779 г. и относились как к государственным крестьянам.

Приняв к рассмотрению челобитную, тяжелая бюрократическая машина закрипела и пришла в действие. Приказав до решения дела оставаться в послушании, канцелярия начала собирать справки. Что нового могло открыться в ходе разбирательства? В распоряжении горных чиновников были указ 1755 г. и “определение” 1763 г., признававшее всех, записанных при заводах после I ревизии “незаконнорожденными”, а потому “счисленными” “яко крепостных и купленных”, и указ 1777 г., предписывавший всех вечноотданных из бывших государственных крестьян по-прежнему рассматривать “на равном положении с прочими государственными крестьянами”⁹.

Но что это давало в текущей тяжбе? Челобитчики не могли документально подтвердить, что все вечноотданные заводов Демидовых и Яковлевых, учтенные I ревизией и переписью Толбузина (1732 г.), изначально-то и являлись государственными людьми. Что более тысячи человек, записанных при заводах после 1737 г., тоже имели государственный статус¹⁰. В ходе работы комиссии кн. Вяземского заводские канторы уничтожили большую часть подлинной документации и заменили ее подложной. Поэтому заключение Канцелярии Главного заводов правления гласило: “Как **не видно**, сколько всего из государственных крестьян... приписано, то поэтому и оставить в равном платеже с государственными крестьянами **тех токмо**, которые при рассматривании... князь Александра Алексеевича Вяземского... оставлены в государственных крестьянах...”

В ответ на действия властей с февраля 1780 г. на Невьянском заводе вечноотданные стали отказываться от работ. Примеру невянцев последовали их сотоварищи на Верх-Нейвинском, Шуралинском и Быньговском заводах. После вынесения окончательного решения в пользу заводовладельца зачинщики были наказаны плетью, а остальным вечноотданным пригрозили кнутом и Нерчинском в случае повторения беспорядков¹¹.

Это не остановило стремления заводских добиться справедливости. В ход были пущены денежные средства, имевшиеся у торгово-ремесленной верхушки вечноотданных, их связи и возможности. В Петербург, в адрес Сената пошли новые челобитные. Вечноотданных Яковлевых поддерживали жители демидовских Тагильских заводов, шарташские крестьяне-предприниматели из числа приписных. Наметилась явная консолидация сил и средств в среде мелкой поселковой и заводской буржуазии независимо от юридической

принадлежности отдельных ее представителей. Шарташцы отправили в столицу своих “стряпчих”, которые должны были содействовать нужному продвижению разбирательства. Все эти факты стали известны благодаря обнаружению конфиденциальной переписки Н.А. Демидова и его племянников — Александра и Петра Григорьевичей, хозяев Ревдинских и Суксунских заводов. Судя по всему, промышленники на какое-то время потеряли инициативу и не имели достаточной информации об успехах эмиссаров вечноотданных в столичных инстанциях.

Желая переломить ход дел в свою пользу, Н.А. Демидов прилагал все возможное для консолидации сил, вел переговоры с племянниками и с хозяевами Невьянских заводов С.Я. Яковлевым и его сыном Гавриилом. По поручению нижнетагильского владельца главный приказник его заводов Г.Г. Белой ездил в Екатеринбург на встречу с новоназначенным пермским наместником генерал-лейтенантом Е.П. Кашкиным. Главной целью поездки Белого было выведать у могущественного чиновника, пользовавшегося расположением императрицы и кн. А.А. Вяземского, возглавлявшего тогда Сенат, как решается судьба вечноотданных в верхах. Заводчик понимал, что правота была на стороне его работников. Боязнь того, что прошлые подлоги могут всплыть на поверхность, боязнь потерять людей, прорывались в письме постоянно. Н.А. Демидов даже сомневался, нужно ли заводовладельцам проявлять встречную инициативу и входить в Сенат с просьбой о подтверждении выгодных им актов 1755 и 1763 гг., “дабы не воспричинствовало о... **1736 году указа более уважить**”, то есть, чтобы невольно не подтолкнуть сенаторов к новому рассмотрению указа от 12 ноября 1736 г., признававшего вечноотданных в равном платеже подушных денег с государственными крестьянами. Ведь именно на этом, главном законодательном противоречии намеревались выиграть дело, “по слухам от шарташских, невянских и здешних нижнетагильских сумазброды”, — писал Н.А. Демидов¹².

Между тем, 30 июня 1782 г. невянские вечноотданные подали челобитную на имя Екатерины II. Подобно всем челобитным вечноотданных, “потитуле” 1782 г., она не содержала ни малейшего намека на указ 1755 г. и на “определение” кн. Вяземского. Относительно небольшая по объему (3 листа с оборотами), эта челобитная была совершенно лишена сетований на те конкретные несправедливости, которые часто составляли обычные предметы заводских жалоб. Вечноотданные преследовали принципиальную цель и не

разменивались на мелочи. Их обращение к государыне было юридически точным и, несомненно, являло собой высокий образец народного правосознания. Челобитчики акцентировали внимание царицы на том, что с 1764 г. с них перестали взимать полную подушную подать, а это рассматривалось авторами документа как следствие самодурства и прихоти заводской конторы. Переходя в наступление, заводские жители сообщали, что из-за попражнения заводским руководством их прав произошло **попращение государственного интереса**. По их подсчетам, неполный сбор подушных денег привел к тому, что с 1764 г. казна потеряла 121046 руб. только по Невьянскому заводу. “И чтоб со временем не последовало за многие годы неповинно с нас доимки, а ныне не нанести бы чрез сие высокому Вашего Императорского Величества интересу... убытка, просим Вашего благоволения... в составляемых же при нынешней ревизии ведомостях... показать нас с государственным крестьянами и в равном с ними подушном и оброчном окладе”¹³.

Тема “заботы” о государственной пользе как удачный тактический ход, найденный “стряпчими” вечноотданных, переводил их спор с заводчиками на высокопафосный уровень и требовал равнозначного ответа. Последний не замедлил явиться тем же летом 1782 г. в виде “Экстракта о находящихся при заводах Демидовых и Яковлева мастеровых и работных людях ис пришлых, кои называют себя государственными, а заводчики показывают, что они вечно отданные и численные равно с крепостными”. В этом документе, бывшем плодом совместных усилий невянских и тагильских приказчиков, утверждалось (и совершенно бездоказательно), что вечноотданные не в силах платить полный подушный налог, ибо не имеют пашен. Если же они добьются своего и станут вольными, то уйдут и с заводских работ, вследствие чего “с выплавки чугуна **десятинного збора много уменьшится и несравненно против показанного... оброка казна убытка получит...**”.

Наконец, авторы “Экстракта” пугали власти тем, что, если, согласно указу 1777 г., подробно разбираться, кто из вечноотданных некогда был государственным, а кто — “незаконнорожденным”, то это приведет лишь к бесплодной волоките и необходимости наводить долгие справки, ибо времени прошло уже слишком много, “к тому ж не без омышления есть иныя и имена имсют переменные”¹⁴.

В августе 1782 г. государство, наконец, окончательно определилось в своей позиции по затянувшемуся делу. 19 числа на свет появился сенатский указ решавший проблему в пользу заводчиков. В этом акте

с циничной легкостью обходился указ 1777 г., на который вечноотданные возлагали свои надежды. Коль скоро требовалось точно определить, кто из вечноотданных являлся некогда выходцем из государственных крестьян, то сенаторы вновь обратились... к "определению" кн. Вяземского (под чьим руководством и рассматривалась текущая тяжба). Приказчики в своем "Экстракте" явно перестарались, расписывая чиновникам сложность и "продолжительность" выяснения происхождения заводских жителей. В "определении" 1763 г. все, кому "положено" было считаться государственными, таковыми и считались. Заведомо сфальсифицированная основа "определения" законодателей не смущала. Столичные заседатели сочли, что тем самым вопрос решен, и предписали впредь к нему не возвращаться¹⁵.

Указ от 19 августа 1782 г. отнял у вечноотданных возможность широкомасштабной и организованной легальной борьбы, но не отнял решимости продолжать ее.

Наиболее активные зачинщики, имена которых можно было встретить среди рукоприкладств к прошлым челобитным, перенесли центр тяжести своих действия на местный уровень. Так, осенью 1782 г. один из активнейших невьянских вечноотданных Степан Тюкин добился в обход заводских властей, через Алапаевский нижний земский суд, выдачи "покормежной" сроком на год для поездки в Петербург в связи с хлопотами по мирскому делу. Другой зачинщик тяжбы — Григорий Левитский — через этот же суд сумел получить решение о незаконном характере ссылки на Ирбитский завод его сына. Снисходительность низших "присутственных мест" вызвала негодование Невьянской конторы, и дело С. Тюкина приняло такой размах, что в его решение вынужден был вмешаться наместник Е.П. Кашкин. Генерал-лейтенант постарался свести весь конфликт к злоупотреблениям приказчиков и обратился к Г.С. Яковлеву с просьбой проявить снисходительность к заводским жителям и пресечь приказчий произвол¹⁶. Но сам наместник хорошо понимал, что суть проблемы кроется вовсе не в "грубости" приказчиков, а случай с Тюкиным — не единичный эпизод. Не случайно, когда главный невьянский приказчик Ф. Махотин и пермский городничий пытались арестовать Тюкина на его городской квартире, за последнего вступилось "немалое число людей" из горожан¹⁷.

В письме чиновнику наместничьего правления И.М. Борноволокову от 10 октября 1782 г., с которым генерал-губернатор состоял в доверительных отношениях, Е.П. Кашкин откровенно замечал: "...

Касательно... смятения, бывшего по поводу имания крестьянина Тюкина, то за последнеполученным из Сената указом (19 августа 1782 г. — Д.Р.) **всякая видимая по делам протекция оным** (вечноотданным — Д.Р.) может обращена быть в весьма дурную сторону...". Здесь же Кашкин довольно точно обрисовал перспективу дальнейшей борьбы вечноотданных. По его мнению, после сенатского решения 1782 г. всякое радикальное выступление будет оборачиваться против них, ибо это навлечет на них репутацию "ослушников и противников". Напротив, "оказав всякое повиновение к присланному решению, могут **посторонними дорогами производить свое дело, колико средств на то изыскать могут**, и в случае неудачи не обременятся ничем..."¹⁸.

Последние заметные события, связанные с протестом вечноотданных в 1780-х гг. относятся к зиме 1782 — лету 1783 гг. В конце декабря 1782 г. на стол тобольского губернатора генерал-майора Г.М. Осипова вновь легла челобитная, сходная по содержанию с летней и подписанная уже знакомыми во всех учреждениях невянцами-вечноотданными: С. Тюкиным, А. Кармановым, М. Томиным, К. Издеберским, Г. Соколовым, И. Боровицким, И. Богатыревым, Н. Шветовым, Н. Малыгановым и Г. Полеевым. Проинструктированный Е.П. Кашкиным и осведомленный о содержании сенатского указа от 19 августа Осипов просто вернул бы бумагу составителям, но она была подана не ими лично, а тобольским купцом Поповым. Причастность к "невьянскому" делу представителя купечества насторожила генерала. Внимательно изучив челобитную и наложив свою резолюцию, он 30 января 1783 г. отправил ее наместнику. Туда же последовал и его обстоятельный рапорт о случившемся, где особо указывалось на появление среди невянских доброхотов купца Попова. Этот документ помечен 3 марта 1783 г. Е.П. Кашкин серьезно отнесся к появлению купцов в деле вечноотданных. Генерал-майору Осипову было поручено провести в Тобольске профилактические меры. Они выражались в "объявлении тоболскому купцу Попову и протчим купцам, с подписками через магистраты, что купец Попов таковых прошельи, о существе которых... понятия не имеет, принимать для подачи... отнюдь не осмеливался, да и протчие купцы остерегались...". 23 апреля 1783 г. Г.М. Осипов рапортовал о получении этого приказа¹⁹.

Вообще, весной того года все казенные учреждения наместничества, включая нижние земские суды, получили из правления строгие подтверждения, запрещающие рассматривать дела, связанные с вечноотданными. Для "последнего" предупреждения самих вечно-

отданных в наместническом правлении был составлен текст, содержащий обязательство “впредь ни под каким видом” не беспокоить “присудственные места” по вопросу, уже решенному Сенатом.

В июне 1783 г. этот текст был отвезен на Невьянский завод. Переговоры по поводу подписания этого документа, ведшиеся командированными офицерами с мирскими представителями, среди которых находилось множество знакомых по челобитным людей, шли тяжело. Интересно, что вечноотданные отказались подписать привезенный текст только потому, что в нем требовалось полное прекращение хлопот в официальных инстанциях. Вместо предложенного невянцы подготовили собственный текст, где с легкостью обещали “в должном повиновении непременно обязанными себя почитать”, но не отказывались от подачи жалоб, считая это главным и законным методом отстаивания своих прав. При этом одному из офицеров, подполковнику Тарбееву, мирские представители сообщили, что и ныне их ходоки находятся в Петербурге, но не раскрыли в каком именно “правительстве” рассматривается их “прозба”²⁰.

Специальное рассмотрение борьбы вечноотданных в 1760—1780-х гг. заставляет серьезно скорректировать наши представления о ее характере и движущих силах. Наиболее активными и последовательными ее участниками, а, точнее сказать, организаторами, были представители торгово-предпринимательской прослойки. На это указывают как прямые заявления заводских контор, так и косвенные факты: связь с заводскими вечноотданными шарташских жителей, каких-то представителей купечества, городских обывателей; наличие значительных денежных средств, позволявших им многие месяцы содержать своих ходоков в Петербурге; вспомогательный характер заводских работ, в которых (согласно конторским документам) были заняты некоторые зачинщики. Таким образом, можно сделать вывод, что борьба вечноотданных по сути была борьбой торгово-ремесленной прослойки старых заводов, формирующейся мелкой буржуазии за перераспределение социальных ролей и юридических прав внутри горнозаводского общества. При этом следует подчеркнуть, что заводские крестьяне-предприниматели делали основную ставку в своей борьбе не на вооруженный протест или акты массового неповиновения, а на “легальные” способы достижения цели. Естественно, что в наиболее острых ситуациях они пользовались поддержкой своих собратьев-вечноотданных из числа мастеровых и работных людей. Последние-то и составляли ту силу, которая стояла за спиной торгово-ремесленного “авангарда” и поддерживала его своими

средствами, вроде сборов “великою толпою” и “криков во многолюдстве” перед заводской конторой. Этот отказ от работ или иные формы открытого неповиновения в первую очередь обращали на себя внимание историков, что, в конечном счете, и мешало им правильно оценить главных “виновников” и суть происходящих событий.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 112. Л. 138—138 об.

³ Там же. Л. 138 об.—139.

⁴ Там же. Д. 179. Л. 43 об.

⁵ Там же. Д. 189. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 556а—556а об.

⁷ ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 64. Л. 11—12 об.

⁸ Там же. Л. 18.

⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 789. Л. 45, 51 об.—52.

¹⁰ Черкасова А. С. Указ. Соч. С. 131.

¹¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 789. Л. 45 об.—46, 52.

¹² Там же. Д. 70. Л. 77—78.

¹³ ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 64. Л. 11—13 об.

¹⁴ Там же. Л. 17 об.—18 об.

¹⁵ Там же. Л. 85—86 об.

¹⁶ Там же. Л. 87—88 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Д. 19. Л. 162.

¹⁹ Там же. Л. 93—97 об., 161 об.—162.

²⁰ Там же. Л. 167 об.—170.
